

СЕРГЕЙ МАРЕЕВ

Ильенков и «философия науки»

Ильенков никогда не употреблял выражение «философия науки». В те времена оно у нас было не в ходу. Мы чаще употребляли выражение «методология науки». Но это в определенном смысле одно и то же. Во всяком случае, Джон Милль в своей книге о Конте и позитивизме писал так: «Философия науки состоит из двух главных частей: из методов исследования и условий доказательства»¹.

А вот о методах исследования и условиях доказательства Э. В. Ильенков не только писал, но, можно сказать, только об этом и писал. Тут достаточно вспомнить его *opus magnum* «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении», в сильно урезанном виде опубликованный в 1960 г. под названием «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса». На таком названии настояло тогдашнее руководство Института философии АН СССР, понимавшее дело так, что диалектика абстрактного и конкретного имеет место только в социально-экономической науке, даже еще уже — в «Капитале» Маркса, т.е. это специфически марксовский метод, а в научно-теоретическом познании нужны совсем другие методы. Последнее говорит о том, что уже тогда мы находились под влиянием той «философии науки», методы которой скроены исключительно по мерке естествознания.

Ныне «философия науки» получила в нашей стране официальный статус пропуска в храм науки: это теперь «кандидатский минимум». А Эвальд Ильенков с его восхождением от абстрактного к конкретному оказался далеко в стороне от «философии науки» и от нынешнего философского официоза. Вполне естественно, потому что честная философия никогда за всю историю человечества не была господствующей. Главное, чтобы она просто существовала и не прерывалась...

¹ Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм. М.: ЛКИ, 2007. С. 47.

Так откуда же пошла эта самая «философия науки», и что она собою представляет?

Основоположником «философии науки» считается англичанин У. Уэвелл. «Как особое направление, — читаем мы в словаре «Современная западная философия», — философия науки впервые была представлена в трудах У. Уэвелла, Дж. С. Милля, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Гершеля»². Иначе говоря, в качестве особого направления «философия науки» возникла в русле того более широкого направления, которое называется *позитивизмом*. А позитивизм в XIX веке противостоял тем философским направлениям — и прежде всего философии жизни и экзистенциализму, — которые считали науку *низшей формой* человеческого сознания и полностью отрывали философию от науки и всех задач, с нею связанных. Подчеркнем, что «философия науки» — это именно *особое направление* в философии, подобно тому, как особыми направлениями в ней являются «философия жизни» или экзистенциализм.

В последнее время появилась другая версия, которую выдвинул академик В. С. Степин. Сам термин «философия науки» он приписывает Евгению Дюрингу³, которого мы до сих пор знали только благодаря критике его Ф. Энгельсом. Однако Дюринг говорит не о «философии науки», а о «теории науки». И дело даже не в этом, в конце концов суть не в словах, а в том, что работы Дюринга — это все-таки поздновато. Да и потом, главным предметом забот Дюринга была не методология науки, а «мировая схематика», чаще именуемая «онтологией». Главное же то, что Степин толкует «философию науки» не как особое направление, а как некий *раздел* философии, посвященный науке.

Иногда считают, что «философия науки» началась только с *логических* позитивистов. Один из представителей этой школы Филипп Франк написал работу, которая так и называется — «Философия науки». При этом Ф. Франк ссылается на Энгельса как «философа науки», поскольку тот отказался от натурфилософии и заявил, что от всей прежней философии осталась только наука о мышлении — диалектика и формальная логика. Эта идея действительно является центральной в «Диалектике природы» и «Анти-Дюринге», а также в работе Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886).

Данный сюжет, как правило, в работах по «философии науки» не обсуждается. И понятно почему: согласиться с Франком значило бы вместе с ним признать Энгельса «философом науки». Но в марксизме такая терминология не принята. Включить идеи Энгельса в корпус «философии науки» тоже весьма затруднительно, потому что диалектика и «философия науки» в сущности своей антиподы. По крайней

² Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1998. С. 439.

³ См.: Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. С. 11.

мере, это разные направления. И скажем наперед, именно диалектика оказалась лимитирующей для «философии науки».

Но послушаем все того же Джона Милля — этот человек знал, о чем писал. Он прямо указывает на Конта как на основоположника «философии науки». Мало того, Милль объясняет, «что именно разумеет мы под философией науки, как различной от самой науки»⁴. А разумеет он следующее: «Философия науки есть... не что иное, как та же самая наука, но рассматриваемая не в ее результатах или в установленных ею истинах, но в тех процессах, какими пользуется человеческий ум для их достижения, в тех признаках, по каким он размещает их по их отношениям и методическим расположениям для достижения большей ясности понятия и большего непосредственного удобства: одним словом, это логика науки»⁵.

Не имея предвзятостей, можно было бы сразу сообразить, что об этом в философии речь шла уже давно — к примеру, в Новое время, по крайней мере, уже у Бэкона и Декарта. Так почему те не были «философами науки»? Если же они таковыми были, то почему историю «философии науки» нужно начинать с Огюста Конта? — Между «философом науки» Контом и «философами науки» Бэконом и Декартом и впрямь есть серьезное различие. Последние не отрицали философию, а делали из нее учение о методе, логику науки. Тогда как позитивист Конт считал сплошным заблуждением *всю* прежнюю философию и теологию.

Вот это, пожалуй, самое верное: основоположник позитивизма и был основоположником «философии науки». И по существу это одно и то же. «Философия науки» не есть традиционная философия в ее, так сказать, приложении к науке. Это совершенно новая «философия», суть которой в том, что *наука — сама себе философия*. А значит, это *отрицание* всей прежней философии. Причем отрицание более радикальное, более сильное, чем у Энгельса: у последнего отрицание есть *снятие*, отрицание *с сохранением* логики и диалектики, которые составляли суть всей прежней философии. Конт же отрицает и логику как особую науку. В одном издании русских сторонников контизма еще в XIX веке говорилось, что О. Конт «считает химерою самую мысль изучать логику иначе, как не в ее применениях»⁶. Иначе говоря, Конт признавал «логику дела», но не признавал «дела логики». И радикальный эмпиризм Конта столь радикален, что его корректируют уже ближайшие последователи, у которых вновь появляется особая «логика науки».

Слабость всей традиции, идущей от Конта, заключается в том, что классической философии здесь не знают и не понимают. Классическая философия имела своим предметом — на чем всегда особенно настаивал

⁴ Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм. С. 46.

⁵ Там же. С. 46–47.

⁶ См.: Огюст Конт и позитивизм. М., 1897. С. 60–61.

Ильенков — *мышление*. Логика в широком смысле и есть наука о мышлении. И хороша же будет «философия науки», которая не знает, и не хочет знать, что есть мышление. Ведь наука, как ни крути, есть просто систематическое и профессиональное мышление. Но сама тема «мышление» остается в пределах классической философии, позитивизмом отвергнутой. Ильенков обращает внимание на то, что уж названия работ философов XVII — XVIII вв. выражают именно эту «тему». Достаточно напомнить, пишет он, заглавия таких сочинений, как «Рассуждение о методе», «Трактат об усовершенствовании интеллекта», «Разыскание истины», «Опыт о человеческом разуме» и т.д. и т.п.⁷ В связи с этим стоит заметить, что ни одной работы о «разуме» в традиции «философии науки» не было написано.

Милль понимает, что исследование научного познания не есть новация «философии науки», что оно всегда было предметом философии: «Мы допускаем, что философия обозначает, — принимая значение, придававшееся этому слову древними, — собственно, научные знания человека, как существа интеллектуального, морального и социального. Так как духовные способности человека обнимают и его способность познания, то наука о человеке обнимает все, что человек может знать, насколько это относится к его способу познавания, другими словами — всякое учение об условиях человеческого знания»⁸.

Странной была бы наука о человеке, которая не была бы и наукой о человеческом познании, Логикой. Словно человек — это такое млекопитающее животное, которое только ест, спит и размножается. Классическая философия от Сократа до Гегеля была наукой о *целостном* человеке: человек познающий не отрывался от человека чувствующего, переживающего, действующего и общающегося. Именно эта особенность классической философии не была понята основоположником «философии науки» Контом и всеми его последователями. Развитие философии и науки, безусловно, включает в себя *отрицание* предшествующего, но надо знать, *что* отрицаешь! А у позитивистов отрицание классической философии всегда связано с элементарным невежеством. В этом отношении характерно откровение А.Л. Никифорова о неопозитивистах: «Мне кажется, в философии — особенно в начальный период своей деятельности — они были в значительной мере невежественны. Поэтому они часто изобретали велосипеды и с апломбом высказывали идеи, почти буквально воспроизводящие положения Беркли или Юма, Канта или Спенсера, Маха или Милля — положения, порочность которых уже давно была выявлена»⁹.

⁷ См.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. С. 8.

⁸ Милль Д. С. Огюст Конт и позитивизм. С.46.

⁹ Никифоров А. Л. Философия науки. История и теория (учебное пособие). М.: Идея-Пресс, 2006. С. 15

Я бы добавил, что дело здесь не только в философском невежестве, а имеет место типично позитивистское наивно-высокомерное отношение ко всей предшествующей философии: что они там могли путного сказать? Современная позитивистам философия повод для такого к ней отношения давала. Но была еще *классическая* философия, которая те же вопросы, которые ставили новые позитивисты, не только ставила, но и решала, или, во всяком случае, давала подходы к их решению, гораздо более плодотворные, чем те, что предлагались позитивизмом.

Отрицая всю классическую немецкую философию, начиная с Канта и кончая Гегелем, позитивисты возвращаются, как правило, к абстрактному сенсуализму Дж. Локка. Повелось это уже с Уэвелла. В предисловии к русскому переводу «Истории индуктивных наук» Уэвелла среди прочего сказано: «Уэвелль вообще не глубокий и плохой философ; такова же и его философия, проводимая в истории индуктивных наук. Она состоит из устарелых и избитых идей английского предания»¹⁰.

Одним из указанных здесь «английских преданий» является именно *эмпиризм* Локка, обнаруживший свою несостоятельность в том же столетии, в котором он и родился. Сенсуализм Локка породил скептицизм Давида Юма, а Юм, как известно, разбудил от догматического сна Канта, которому Уэвелл пытается следовать, но, как говорится в том же предисловии, «с изменениями и переделками, в которых потерялись вся глубина и весь критицизм великого немецкого мыслителя». Вместо того, чтобы подняться от Локка до Канта, Уэвелл опускает Канта до уровня Локка. «Уэвелль, — заключает автор предисловия, — обратил чистую монету Канта в низкопробную и хотел применить ее к старым формам английской давней философии предания и поддержать ею то, что навеки убила философия Канта»¹¹.

Кант «навек убил» абстрактный сенсуализм, который нашел свое наиболее характерное выражение в Англии в философии Беркли и Юма. Но именно к этому абстрактному сенсуализму возвращается вспять позитивизм с его «протокольными предложениями», с его «чистым опытом» — который, как показал Кант, у человека никогда не бывает «чистым».

Ильенков, безусловно, принимает сторону немецкой классической философии в решении антиномии эмпиризма и рационализма и в том, что касается науки вообще и естествознания в частности. «Завершая в лице Канта, — писал Ильенков, — более чем двухсотлетний цикл исследований, философия вступала в принципиально новый этап понимания и решения своих специальных проблем»¹².

¹⁰ Уэвелль У. История индуктивных наук. СПб., 1867. Т. I. С. X.

¹¹ Там же. С. XLVI.

¹² Ильенков Э. В. Диалектическая логика. С. 55.

Кант ставил вопрос, *как возможна наука*. И хотя его волновал, прежде всего, вопрос о возможности естествознания и математики, наука для него этим не ограничивалась. Кант ставит вопрос и о том, как возможна *метафизика*, т.е. наука о последних основаниях. И он не просто отрицает старую метафизику, но *снимает* ее в ее рациональном значении: переводит науку о последних основаниях *бытия* в науку о последних основаниях *познания*. Но это всё те же самые основания: пространство, время, причинность, необходимость и т.п. И если это не интересует «философию науки», то именно потому, что она является знанием не о том, как *возможна* Наука, а о том, как *существует* наука в своих *внешних проявлениях*.

Вся последующая немецкая философия решала тот же самый вопрос, что и «Критика чистого разума», — как возможна Наука. Ильенков пишет о «поразительном по своей скорости процессе духовного созревания, который отмечен именами Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля»¹³. Вопрос об условиях возможности Науки непосредственно от Канта перенимает его ученик И. Г. Фихте. Не случайно он назвал свою философию «Наукоучением» и считал, что предмет философии полностью совпадает с этим названием. Вернее, должен совпадать. «Так называемая до сих пор философия, — заявляет Фихте, — стала бы, таким образом, *Наукой о науке вообще*»¹⁴.

Фихте предлагал «наукоучение» не *вместо* философии, он хотел *философию* сделать «наукоучением». Считал, что «Общее наукоучение» должно «обосновать систематическую форму для всех возможных наук»¹⁵. Аналогичную задачу ставит и позитивистская «философия науки» — найти общую модель для всякой науки. Но здесь имеет место и серьезное расхождение: позитивизм стремится найти раз навсегда данную, для всех наук обязательную, т.е. *абсолютную модель науки*, чтобы потом можно было бы эту мерку прикладывать ко всякому знанию и говорить, где имеет место наука, а где нет. В этом пункте позитивизм смыкается со старой метафизикой, которая тоже понимала себя как *абсолютное знание*. В отличие от этого, Фихте стремился найти только *центр* научного знания, от которого можно двигаться во всех направлениях до бесконечности не только в отношении содержания, но и в отношении формы. Это означает, что наука не может быть завершенной ни по своему содержанию, ни по форме. У Фихте представлен бесконечный *синтез*, а не только *анализ* науки.

Односторонний анализ и абсолютизация формальной стороны дела характерны для «философии науки». Это то, что дало повод Н. А. Бердяеву говорить о «полицейской» функции науки, которая пускает только в переднюю и не пускает в жилые комнаты. Кто вообще может взять

¹³ Диалектическая логика. С. 55.

¹⁴ Фихте И. Г. Сочинения, 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. I. С. 22.

¹⁵ См.: там же. С. 24.

на себя право определять и диктовать не с точки зрения существа дела, а с точки зрения формальных критериев «научности», что есть «наука» или «не наука»? А ведь именно эту роль брала на себя позитивистская «философия науки», одна из центральных идей которой — «демаркация», т.е. определение границы между научными и ненаучными высказываниями. Причем тут проявляется ее вопиющее противоречие: с одной стороны, отказ от всякой «метафизики», от всяких абсолютов, т.е. релятивизм, а с другой — поиск абсолютной границы между наукой и не-наукой. Если применить к самой «философии науки» те же критерии научности, которые она предписывает науке, то указанная граница должна быть *относительной*.

Уэвелл назвал свою работу «Философия индуктивных наук». Литров перевел Уэвелла на немецкий и назвал: «История всех естественных наук» (Geschichte aller Naturwissenschaften). Даже математика и логика здесь выносятся за скобки: они не индуктивные науки. Таким образом, естественные науки оказываются индуктивными. Естествознание не допускает никакой дедукции. Вот в чем особенность и специфика «философии науки» с самого начала. Это и есть тот всеиндуктивизм, о котором писал Энгельс в своей «Диалектике природы». «Вся вакханалия с индукцией идет от англичан — Уэвель, inductive sciences, охватывающие чисто математические науки, — и таким образом была выдумана противоположность индукции и дедукции»¹⁶.

Тут интересно заметить, что эту «вакханалию» прекращает только Карл Поппер. «Я заявляю, — писал он, — что принцип индукции совершенно излишен и, кроме того, он неизбежно ведет к логическим противоречиям»¹⁷. Но Поппер не преодолевает противоположность индукции и дедукции. Он, как и Уэвелл, просто отбрасывает одну из противоположностей. Уэвелл отбросил дедукцию, Поппер отбросил индукцию, а в результате на место абстрактного эмпиризма он ставит свой, столь же абстрактный, «критический рационализм». Словечко «критический» здесь ничего не говорит: научная критика, напомним, есть преодоление путем *снятия*, а не путем отбрасывания, отмены и т.д. То есть здесь перед нами не научный, а административный метод.

Что касается Ильенкова, то научную критику он считал необходимой формой развития науки. «Это вообще необходимый закон развития науки, научного мышления: новое теоретическое понимание фактов (новая теория) всегда и везде возникает не “прямо из фактов”, не на пустом месте, а только через строжайшую научную критику старого теоретического понимания этих фактов с точки зрения этих фактов. Так что сведение критических счетов с ранее развитыми теориями есть вовсе не побочное, вовсе не второстепенной важности занятие, а есть

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 50 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 542.

¹⁷ Там же. С. 48.

необходимая форма разработки самой теории, единственно возможная форма теоретического анализа реальных фактов»¹⁸.

В критическом развитии научной теории и снимается противоположность индукции и дедукции. В своей абстрактной чистоте и обособленности друг от друга они возможны только при отвлечении от реальной истории науки и от всякого содержания вообще. Но определенное содержание всегда присутствует уже в предшествующих теориях. «Человек, — пишет Ильенков, — никогда не начинает мыслить “с самого начала”, “прямо из фактов”, то есть с позиции питекантропа. Он в самом восприятии эмпирических фактов в мышлении пользуется готовыми категориями и понятиями. Вопрос лишь в том, какими именно, как, где и откуда он их усвоил»¹⁹.

С позицией “питекантропа” в теории познания покончил уже Кант. Если бы Робинзон не имел на своем острове того запаса понятий, а также предметов и, главным образом, орудий, которые ему достались от других людей, то он превратился бы в питекантропа. И это очень наивное представление, что первые понятия питекантропами были добыты из фактов при помощи чистого мышления: сели питекантропы вокруг костерка, подумали и — придумали, скажем, число для счета. До сих пор «философы науки» так и не смогли показать того способа, каким число, простое «натуральное» число, получается прямо из фактов. Потому, что не из фактов оно получается, а из *практики* освоения людьми количественной стороны действительности.

Практики как основы познания человеком окружающего мира «философия науки» совершенно не знает. Об этом знал, по крайней мере догадывался, Ф. Бэкон, которого иногда считают предтечей «философии науки». «Самое лучшее из всех доказательств, — писал он, — есть опыт, если только он коренится в эксперименте»²⁰. От практики и эксперимента опыт абстрагировали его последователи Т. Гоббс, Д. Локк, Дж. Беркли и Д. Юм, желая начать с «чистого опыта», с «чистой доски». Душа человека бывает «чистой доской» только в момент рождения, а уже в течение первых пяти лет жизни человек получает абсолютное большинство своих понятий, и получает их ребенок не из «чистого опыта», а из опыта практического общения со взрослыми и с тем миром, который создан людьми и создан *по понятию*. Именно это понятие присваивает себе человек, осваивая окружающий его человеческий мир.

До *единства* индукции и дедукции, как *единства противоположностей*, «философия науки» так и не дошла. Это единство характерно для того метода, который развивал Ильенков, — для метода «восхожде-

¹⁸ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 220.

¹⁹ Там же. С. 223.

²⁰ Бэкон Ф. Сочинения, 2 т. М., 1978. Т.2. С. 34.

ния от абстрактного к конкретному». «В материалистической диалектике, — писал он, — рационально снята старинная противоположность “дедукции” и “индукции”. “Дедукция” перестает быть способом формального выведения определений, заключенных априори в понятия, и превращается в способ действительного развития знаний о фактах в их развитии, в их внутреннем взаимодействии. Такая “дедукция” органически включает в себя “эмпирический” момент, — она совершается именно через строжайший анализ эмпирических фактов, через “индукцию”»²¹.

Здесь хочется уточнить только один момент. «Старинная противоположность» индукции и дедукции на самом деле не такая уж старинная. По сути она, как в общем-то верно заметил Энгельс, ведет свое происхождение от того же самого Уэвелла. Что касается Бэкона, который как будто бы впервые противопоставил схоластической «дедукции» свою «индукцию», то верно в этом только то, что он действительно противопоставил свою методологию схоластической силлогистике, т.е. *формальной* дедукции. Но противопоставил ей не столь же абстрактную индукцию, а свои *методы выявления причинных связей*, который часто называют «индуктивными», хотя таковыми они по сути не являются: *причинная связь индуктивно никогда не устанавливается*. В этом и состоит неопровержимый результат Юма.

Приверженцы «философии науки» почему-то совершенно не обращают внимания на то, что в реальном научном познании ни один ученый никогда сознательно не пользуется ни абстрактной индукцией, ни абстрактной дедукцией. И об этом очень хорошо писал Энгельс²², которого в данном случае цитирует Ильенков.

Аналогом абстрактной индукции является так называемый «метод проб и ошибок». Это именно *так называемый* «метод», потому что действительный метод науки состоит в обратном: он *сокращает* опыт: учись, мой сын, говорит Борис Годунов у Пушкина, — науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни. Человек тем и отличается от животного, что ему наука заменяет опыт. Такое значение метода прописал уже Декарт, дав и обратный пример — человека, который, желая найти сокровище, попросту бродит наугад по всем дорогам. Опыт есть лишь предпосылка и предмет для понимания, каковое требует применения определенного метода: анализа, синтеза, эксперимента и т.д.

Кант в вопросе о природе научного метода следует Декарту: научный метод должен направлять науку к истине. Это направление у него обеспечивает, прежде всего, логика — *трансцендентальная логика*. Но для Уэвелла существует по сути только один «метод» — тот самый «метод проб и ошибок». «Пробовать ошибочные догадки, — пишет он, — есть очевид-

²¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. С. 228–229.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 543–544.

но единственный путь нападать на верные. Черта истинного философа состоит не в том, что он никогда не делает смелых предположений, но в том, что его предположения понимаются им ясно и ставятся в строгое соприкосновение с фактами»²³.

Это повторит уже в XX веке Карл Поппер: «от амебы до Эйнштейна всего один шаг». Ученый, как и амеба, может только «пробовать ошибочные догадки». Таков результат более чем столетнего развития «философии науки». И Поппер прямо отвергает здесь новации, предложенные Кантом: «Кант попытался предложить свой способ преодоления этой трудности... Однако его изобретательная попытка... не была успешной»²⁴.

Никто из представителей «философии науки» не относит Канта к этой самой «философии науки». Но вот натуралистическое истолкование кантовских априорных форм созерцания и рассудка К. Лоренцем к «философии науки» уже относят. «Эволюционная эпистемология» есть не преодоление Канта, не движение от Канта вперед, а движение назад, потому что в кантовском априоризме есть по крайней мере интенция на общественно-историческое понимание априорных форм созерцания и мышления, категорий. Именно по этому пути шла вся немецкая классика вплоть до Гегеля, толкование же Канта в духе «эволюционной эпистемологии» — это отступление к «врожденным идеям» Декарта.

Вплоть до Гегеля история философии развивалась «по Гегелю». «Согласно Гегелю, — пишет Ильенков, — каждая вновь возникающая система философии лишь постольку составляет шаг вперед в развитии разума человечества, поскольку она не просто отбрасывает предшествующие ей системы, а “сохраняет” их в себе в качестве своих абстрактных моментов»²⁵. Так шло развитие *классической* философии, и в этом — суть классики. Но, начиная с А. Шопенгауэра, развитие философии идет уже не по Гегелю. Шопенгауэр просто отбрасывает всю классическую философию, в особенности и прежде всего самого Гегеля. Как он его только не обзывает! Шопенгауэр пытается «сохранить» кое-что от Канта и кое-что от Платона, но не самое лучшее у них. Канта он, например, пытается истолковать в духе крайнего субъективизма, в духе субъективизма Беркли, и пеняет Канту именно за его объективизм.

Два важнейших завоевания немецкой классической философии были отвергнуты «философией науки» — *диалектика* и *историзм*. Что касается диалектики, то «философы науки» ее, как правило, не знают и не

²³ Уэвель У. История индуктивных наук. С. 468–469.

²⁴ Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. С. 49.

²⁵ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. С. 209.

принимают. И только Карл Поппер решил сразиться с диалектикой, но изобразил ее до крайности примитивно, в духе «диамата», которым она была истолкована не как логика и метод, а как «общая теория развития». Именно в этом виде она может быть выведена непосредственно на очную ставку с вещами и, соответственно, «фальсифицирована». Но не о вещах как таковых толкует диалектика, а о *понятиях* вещей, — ведь это логика, а не физика. «Таким образом, — отмечает во вступительной статье к работе Поппера «Логика и рост научного знания» В. Садовский, — научная значимость попперовской фальсификации диалектики равна нулю. Нет ничего проще, чем придать опровергаемой концепции заведомо ложный характер и затем успешно ее фальсифицировать. При анализе естественнонаучного знания сам Поппер никогда не поступал таким образом»²⁶.

Недиалектический характер логики Поппера, как мы видели, проявился в том, что процесс формирования новой гипотезы у него оказывается алогичным. Но в реальной истории гипотезы все-таки формировались рационально. В ином случае никакого развития науки не было бы, и мы бы до сих пор верили, что земля покоится на трех китах. Отсюда становится понятным обращение к реальной истории науки. «И Тулмин, и Кун, и Лакатос, да и Поппер, — пишет В. Н. Порус, — шли к истории науки»²⁷. Иными словами, «философия науки» шла к истории науки. Весьма характерное признание, в особенности это «да и Поппер», потому что Поппер, если вспомнить его книги «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги», был, можно сказать, «рыцарем антиисторизма». К истории науки невозможно двигаться, не преодолев антиисторизм Поппера. Но «философы науки» эту задачу не решили — ни Тулмин, ни Кун, ни Лакатос.

Иначе процесс научного познания выглядит у Ильенкова: «Весь процесс движения познания в целом реально протекает как процесс развития от абстрактного выражения объективной истины к все более и более конкретному ее выражению. Процесс в целом выглядит как процесс постоянной “конкретизации” знания, процесс, в котором плавные, эволюционные периоды сменяются время от времени периодами революционных переворотов, подобных открытиям Коперника, Маркса, Эйнштейна. Но эти революционные перевороты, периоды решительной ломки старых понятий, где, как кажется на первый взгляд, прерывается всякая нить преемственности в развитии, сами суть естественные и необходимые формы, в которых осуществляется как раз преемственность процесса движения ко все более и более конкретной истине»²⁸. Это Ильенков писал во времена, когда о Т. Куне

²⁶ См.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 30.

²⁷ Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 184.

²⁸ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. С. 233.

с его «научными революциями» мы еще вообще не слышали. По сути Ильенков опровергает здесь Куна, Лакатоса и других, не зная их ни по имени, ни в лицо. Он с самого начала понимал, что движение к более конкретной истине есть *историческое* движение. Но оно же есть и *логическое* движение. «Наука, — пишет Ильенков, — должна начинать с того, с чего начинается реальная история. Логическое развитие теоретических определений должно непосредственно выражать конкретно-исторический процесс становления и развития предмета. Логическая “дедукция” и есть не что иное, как общественно-теоретическое выражение процесса реального исторического становления исследуемой конкретности. Это — фундаментальный принцип диалектики как логики»²⁹.

Если, например, реальная история освоения количественной стороны действительности началась с изобретения целого «натурального» числа, то и наука математики должна начинаться с этого. И каждый согласится, что это *логично*. Для обычного нормального человека вообще логично все то, что соответствует реальному порядку вещей. К. Маркс начинает свою теорию капитала с товара, потому что в реальной истории так называемое простое товарное производство предшествует капиталистическому товарному производству.

Казалось бы, все ясно и понятно. Но здесь имеется одна очень непростая проблема. Ильенков в приведенном выше месте слово «дедукция» берет в кавычки. В кавычках это слово употребляет и Энгельс, когда пишет: «... Вся классификация организмов благодаря успехам теории развития отнята у индукции и сведена к “дедукции”, к учению о происхождении — какой-нибудь вид буквально дедуцируется из другого путем установления его происхождения, — а доказать теорию развития при помощи одной только индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна»³⁰.

Дело в том, что под «дедукцией» в обычной формальной логике понимают совсем другое: «Все люди смертны, Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен». Тут имеется в виду абстрактный человек «вообще», без всяких индивидуальных особенностей. Ясно, что такая абстракция существует лишь «в голове». И весь процесс дедукции совершается «в голове», но никак не в реальной истории. Приписывать реальной истории подобный процесс дедукции было бы, по крайней мере, странно.

Поппер знает только такую — Ильенков называл ее *формальной* — дедукцию. Логика развития науки у Поппера состоит в том, что наука выдвигает гипотезы, а затем проверяет их частные следствия. Например, мы выдвигаем гипотезу, что все люди смертны. Отсюда формально-дедуктивно следует, что человек Сократ тоже смертен. Если он умер, то

²⁹ Там же. С. 277.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 542.

наша гипотеза подтверждается. Но такое подтверждение не есть доказательство: для доказательства должны умереть *все* люди. Однако тогда и вывод делать будет некому. Поэтому Поппер на место «верификации», т.е. подтверждения гипотез, ставит «фальсификацию», т.е. опровержение. Опровержение в нашем случае должно состоять в том, что, если найдется такой Сократ, который окажется бессмертным, то утверждение, что все люди смертны, будет ложным. Ну, а если мы этого никогда не дождемся...

Поппер считает научными только те положения, которые в принципе опровержимы. Здесь возникает парадоксальная ситуация: если какое-то положение опровергается, то оно, понятно, опровержимо, а потому научно — и одновременно *ложно*, коль скоро опровергнуто. «Парадоксально, — восклицает А. Никифоров, — но вполне в соответствии с гносеологическими воззрениями Поппера: несомненно научны только ложные теории!»³¹.

Понятно, что такая формальная дедукция имеет место быть. Но это, как выражался Гегель, только «момент» в развитии научного знания. Чисто формальное движение не есть реальное порождение: это только движение «в голове». «Лошадь и корова, конечно, не произошли из “животного вообще”, как груша и яблоко не есть продукты “самоотчуждения”, понятия плода вообще. Но, несомненно, что и корова и лошадь имели где-то в глубине веков общего предка, а яблоко и груша также есть продукты дифференциации какой-то одной, общей для них обеих ботанической формы плода», — отмечал Ильенков³².

Вопрос о связи формальной и реальной «дедукций» непрост. Но если оторвать формальную дедукцию от реальной, а тем самым оторвать ее от истории, то неизбежно сам процесс выдвижения гипотез оказывается *иррациональным*, как «иррационален» вообще *случай*. Ведь случайно то, что не вытекает из господствующих условий, не «дедугируется» формально из «всеобщего». Падение яблока на голову Ньютона — чистая случайность. Но она, не исключено, стала поводом для рождения у Ньютона идеи всемирного тяготения. Ни в какую логику такой случай не уместается, однако *исторически* все могло быть именно так.

Отсюда и идея дополнить логику историей, — из «философов науки» эту идею лучше всего выразил Имре Лакатос. «“Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа”. Руководствуясь этой перефразировкой кантовского изречения, мы в данной статье попытаемся объяснить, *как* историография науки могла бы учиться у философии науки и наоборот»³³. Так начинается свою статью

³¹ Философия науки. История и теория (учебное пособие). С. 47.

³² Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. С. 276.

³³ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203.

«История и ее рациональные реконструкции» Лакатос. И здесь перед нами не просто перефразировка знаменитого кантовского изречения: чувства без понятий слепы, а понятия без чувств пусты. Здесь та же самая проблема: как соединить отдельное и всеобщее, случайное и необходимое. Кант, как известно, решил эту проблему при помощи «схематизма воображения». Но Лакатос в эту проблематику не углубляется. Поэтому у него и не происходит в конечном счете органического соединения логики и истории. Как выразится он сам, «реальная история науки часто представляет собой карикатуру ее рациональной реконструкции, рациональные реконструкции часто являются карикатурой реальной истории, а некоторые изложения истории науки являются карикатурами и на ее реальную историю, и на ее рациональные реконструкции»³⁴.

Процесс формирования гипотез, согласно Попперу, — это процесс *психологический*. Но если он никак не связан с определенным историческим фоном, тогда почему гипотеза периодического закона элементов пришла в голову Менделееву во второй половине XIX века, а не Эмпедоклу в V веке до н.э.? На этот вопрос в рамках «философии науки» нет ответа. Значит, можно предполагать все, что угодно, и «рациональная реконструкция» истории науки невозможна. Она возможна только при условии, что процесс формирования гипотезы мы поймем не только как психологический, но и как исторический процесс. Это процесс исторического развития науки, хотя он и совершается в голове отдельного человека. Тот процесс, что совершился в голове Ньютона благодаря ушибу яблоком, не мог совершиться в голове питекантропа, что бы там на нее ни упало.

Поппер упрекает Куна в историческом релятивизме. Но он сам своим пониманием истории дает все основания для такого релятивизма, потому что история у него лишена всякой закономерности и необходимости, всякой логики. И какую логику можно извлечь из истории науки, если логики в истории нет? Проще найти черную кошку в темной комнате.

История, если она не понята в ее внутренней связи, действительно является карикатурой на логику. Как раз такую карикатуру на историю и дал Поппер в своих «исторических» работах. История может что-то объяснять только если сама она объяснима. А у Поппера история необъяснима, «иррациональна». История науки — это составная часть истории культуры, всеобщей истории. И если в истории вообще нет никакой закономерности и необходимости, того же нет и в истории науки. Значит, нет и закономерности перехода от системы Аристотеля — Птолемея к системе Коперника. Хотя предположить, что система Коперника исторически могла бы появиться раньше системы Аристотеля — Птолемея, едва ли кто-то решится.

³⁴ Там же. С. 265.

Чтобы перейти к истории науки как *объяснительному принципу*, сама историческая, вернее — антиисторическая, концепция Поппера должна быть кардинально пересмотрена. Но при этом пришлось бы поставить крест на всей философии истории Поппера, т.е. отказаться от идеи «открытого общества», — на что ни Кун, ни Лакатос не решились.

Итак, прогрессивный сдвиг в понимании проблемы метода у Куна и Лакатоса, по сравнению с «критическим рационализмом» Поппера, состоит прежде всего в том, что в методологию науки вводится *история науки*. Для всякого человека, знакомого с историей науки, совершенно очевидно, что никакая теория, идея, гипотеза не возникает на пустом месте. Даже там, где происходит революционный переворот в науке, вроде возникновения гелиоцентрической системы Коперника, это переворот в представлениях, уже имевшихся прежде. Но предшествующее научное развитие создает только *возможность* появления новой теории, только возможность научной революции. Возможность эта реализуется и превращается в действительность в *конкретных* исторических обстоятельствах, *конкретными* историческими личностями. В этом и состоит роль личности не только в общей истории, но и в истории науки. Поэтому любая научная революция на веки вечные связана с именами конкретных людей. Здесь общее и отдельное, уникальное и неповторимое становятся тождественными, что совершенно невозможно в логике Поппера.

«Бетховен в определенной степени безусловно является *продуктом* музыкального воспитания и традиции, и многое, что представляет в нем интерес, отразилось благодаря этому аспекту его творчества. Однако важнее то, что он является также *творцом* музыки и тем самым музыкальной традиции и воспитания. Я не желаю спорить с метафизическими детерминистами, которые утверждают, что каждый такт, который написал Бетховен, определен комбинацией влияний прошлых поколений и окружающего мира», — писал Поппер³⁵.

С *метафизическими* детерминистами действительно не стоит спорить. Но есть еще такой детерминизм, который признает как историческую необходимость и историческую причинность, так и их *историческое становление* — становление всеобщего через *особую историческую личность*, через *историческое творчество*. Художественное и научное творчество всегда есть одновременно историческое творчество. При этом истинное творчество возможно лишь там, где, как писал об этом Э.В. Ильенков, «имеет место “химическое” или “органическое” соединение индивидуальности воображения со всеобщей нормой, при котором новая, всеобщая норма рождается только как индивидуальное отклонение, а индивидуальная игра воображения прямо и непосредственно рождает всеобщий продукт, сразу находящий отклик у каждого»³⁶.

³⁵ Popper K.R. Die offene Gesellschaft und ihre Feinde. Bern: Francke, 1958. Bd. 2. S. 257.

³⁶ Ильенков Э.В. Об эстетической природе фантазии // Вопросы эстетики. М., 1964. Вып. 6. С.68.

Так рождается новая музыкальная «парадигма». Но и научная тоже так. Без «воображения» здесь, так же как и в музыке, не обойтись. К примеру, эллипс, как форму орбитального движения, невозможно *формально дедуцировать* из тех представлений, которые предшествовали открытиям И. Кеплера. Здесь нет «метафизического детерминизма». Но это не значит, что открытие Кеплера произошло «иррационально». Тогда «иррационально» все *новое*, чего не было раньше. Паровоз не является прямым продолжением развития гужевого транспорта, и устроен он вполне рационально. Было бы парадоксом, если бы вполне рациональная вещь появилась в результате иррационального акта. Так может творить только Бог, люди же делают все значительное «по уму», т.е. рационально. А Поппер, Кун и Лакатос не могут отделаться от представления о том, что всякая научная революция *иррациональна*.

Да, всякая революция, и не только научная, иррациональна с точки зрения *рассудочной рациональности*, которая знает только «постепенность», непрерывность — *эволюцию*, а не диалектику с ее противоречиями, «перерывами постепенности», с ее *отрицательностью*. И тем не менее, лишь через *отрицание* устаревших научных представлений рождается новая «парадигма».

На пути к конкретному историзму философия науки останавливается, так сказать, перед воображением и противоречием. Напомним, что это те вещи, о которых всерьез в научной методологии заговорил только Кант. Ильенков в свое время говорил, что современная наука в своем методе дошла только до Канта. Мы бы сказали, что и «философия науки» дальше Канта не пошла и пойти не может, не отказавшись полностью от позитивистской «парадигмы». Не только в смысле догмы эмпиризма в самой науке, но и в смысле ориентации только на «современную науку», потому что всякая *современная* наука исторически ограничена. И методология, ориентированная только на современную науку, неизбежно оказывается тоже исторически ограниченной. Безгранично лишь человеческое мышление, которое поэтому и способно преодолевать всякую историческую ограниченность — и науки, и практики, и любую другую. Мышление по сути своей не эмпирично, а теоретично, потому и способно выходить за пределы любой эмпирической данности. Здесь, конечно, не обойтись без противоречия и воображения. Тем более, что то и другое между собой связано.

Именно воображение, согласно Канту, должно заполнить тот «промежуток», который лежит между отдельным и общим, а именно — между чувствами и рассудком. Тем самым мышление преодолевает противоречие всеобщего и отдельного. И Кант, вопреки его общей установке на то, что «антиномии» не преодолеваются разумом, преодолевает по крайней мере одно это противоречие.

Движение от отдельного к всеобщему и есть *логика открытия*. «Всякое действительное, исчерпывающее познание, — писал Энгельс, — заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из еди-

ничности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное в преходящем»³⁷. Если нет обязательной логики перехода от круга к эллипсу, — отчего Фейерабенд и считает, что здесь полный произвол, — то это не значит, что здесь вообще нет никакой логики. Здесь есть логика, но только другая: не рассудочная, не формальная, не аристотелевская. Если бы Кеплер вообразил себе вместо эллипса квадрат или треугольник, то каждый человек, знакомый с сутью дела, сказал бы, что это *нелогично*.

Действительно, нет способа преобразовать круг в треугольник, а вот круг превратить в эллипс очень даже можно, «растянув» его. В этом и состоит *логика* превращения круга в эллипс. Даже Поппер догадывается о том, что есть *другая* логика, помимо той, которую мы очень правильно называем формальной. Это логика самого содержания, самой сути дела. «Методологические правила, — пишет в этой связи Поппер, — рассматриваются мною как *конвенции*. Их можно описать в виде правил игры, характерной для эмпирической науки, которые отличаются от правил чистой логики примерно в той же степени, в какой правила игры в шахматы отличаются от правил логики (вряд ли кто-либо согласится считать правила шахматной игры частью *чистой* логики). Правила чистой логики управляют преобразованиями лингвистических формул. Учитывая это, результат исследования шахматных правил, пожалуй, можно назвать “логикой шахмат”, но едва ли просто чистой “логикой”. (Аналогично и результат исследования правил научной игры, то есть правил научного исследования, можно назвать “логикой научного исследования”»³⁸.

Мы бы исправили здесь у Поппера только то, что «правила чистой логики управляют преобразованиями лингвистических формул». Преобразованиями *лингвистических* формул «управляет» не логика, а грамматика. Логика занимается преобразованиями *логических* формул. Но Поппер совершенно прав в том, что логика научного исследования никогда не покрывается «чистой» логикой, как не покрывается этой «чистой» логикой логика шахмат. Будь это не так, «чистая» логика совпадала бы со всем массивом научного знания. Рассуждая таким образом, что «если Бог — отец Христа, то Христос — сын Божий», мы рассуждаем логически правильно, но тут нет никакого правила или закона формальной логики. Логика *дела* никогда не уместается в дело *логики*, и чтобы понять это, нет надобности доказывать теорему Гёделя.

В одном из современных исследований, посвященных методологии науки, мы читаем: «Необходимо было окончательно осознать, что нет и не может быть такого бесспорного основания, такого фундамента наших знаний, относительно которого в принципе не возникает никаких

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 548.

³⁸ Поппер К. Логика и рост научного знания. С. 78.

сомнений»³⁹. Иначе говоря, получается, что познание движется от сомнительного к сомнительному. И в чем же тогда прогресс науки? Выходит, что мы сейчас, в начале XXI века, знаем не больше, чем знали древние. И на чем при этом держится вся наша цивилизация, — непонятно.

Таков закономерный результат развития «философии науки» на Западе и у тех наших философов, которые шли след в след за Поппером, а не за Ильенковым. От идеи абсолютного метода, который давал бы безусловную гарантию «демаркации» науки от не-науки, они вместе с Фейерабендом пришли к «методологическому анархизму», к отрицанию всякого общеобязательного метода.

³⁹ Меркулов И. П. Эпистемология. СПб.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 470.